

УДК 82

**К ИСТОЛКОВАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА
«АРИОН» (1827)**

© **Листов Виктор Семенович** (2019), SPIN-code: 6433-3940, доктор искусствоведения, профессор, Новый институт культурологии (Российская Федерация, 123056, г. Москва, ул. Васильевская, д. 13, стр. 1), vslistov@mail.ru

В работе сделана попытка проследить, как в творчестве А.С. Пушкина складывались основные мотивы стихотворения «Арион». Автор предлагает новый подход к интерпретации стихотворения, альтернативный укоренившейся в школьной практике «декабристской» трактовке или толкованию, основанному на анализе мифологических элементов данного текста. В поле зрения автора находится лицейское послание Пушкина к Н.Г. Ломоносову (1814), где образы, к которым поэт впоследствии обратится в «Арионе» (море, чёлн, парус и др.), используются в обобщенном, метафорическом значении. Также актуализируются некоторые фабульные особенности православной житийной литературы. В частности, речь идёт о знакомстве Пушкина с житием Преподобного Виссариона Чудотворца (пам. 6 июня ст. ст.), египетского святого, подвизавшегося в V веке н.э. Прослеживаются существенные «переключки» между жизненным путём преп. Виссариона и биографией Пушкина, также осознававшего свою особость, даже юродивость, несоответствие своей судьбы обыкновенным жизненным путям. Это осознание могло стать источником образа мореплавателя, выброшенного на берег после кораблекрушения, который присутствует и в «Арионе», и в житии преп. Виссариона. Кроме того, отмечается сходство жизненных положений святого и поэта: Пушкин тоже ощущал невозможную утрату, которая в его случае была не отвлеченно-иносказательной, а вполне конкретной, относящейся к социально-политической сфере. Следуя во второй половине 20-х годов в русле общественно-исторических взглядов Н.М. Карамзина, поэт поддерживал идею просвещенной монархии, опирающейся на родовую аристократию, однако реальные общественные процессы противоречили этому идеалу. Возможно, в «Арионе» нашли отражение мысли Пушкина по поводу трансформации прежнего сословного уклада и судьбы его сторонников. Делается вывод, что существующие интерпретации «Ариона» не являются исчерпывающими, в связи с чем необходимо искать новые пути к пониманию известного стихотворения.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Преподобный Виссарион, Н.М. Карамзин, юродство, дворянское сословие, монашество.

1.

Стихотворение Пушкина «Арион» – одно из самых знаменитых. В советские годы оно входило в школьные программы по литературе и верно служило для создания и укоренения образа поэта-декабриста в сознании молодого поколения. Более того, самая дата написания «Ариона» – июль 1827 г., через год после казни пяти мятежников, – должна была доказывать непоколебимую верность «таинственного певца» идеалам погибших друзей и соратников. Иной смысловой слой, связанный с историей древнегреческого поэта Ариона (VII-VI вв. до н.э.) и с мифами вокруг его имени, существовал параллельно, но не акцентировался. Считалось, что это лишь маскировка для отвода глаз бдительной царской цензуры.

Напомним канонический текст стихотворения:

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету ветер шумный...
Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою [Пушкин 1948а, 58]

Определимся сразу: цель предлагаемого сообщения не полемическая. Опыт обращения к множеству произведений Пушкина постоянно убеждает: едва ли не каждое однозначное толкование пушкинского текста недостаточно. А иногда и просто некорректно. Поэтому мы далеки как от совершенного отрицания декабристской версии, так и от абсолютных попыток свести смысл стихов к перепевам мотивов классической древности. Всё это, по нашему мнению, в разной степени может сосуществовать в пределах стихотворения.

У нас нет возможности дать сколь-нибудь полный историографический обзор литературы об «Арионе». Скажем только, что стихотворение обсуждали едва ли не все классики пушкиноведения, начиная с Анненкова и Бартенева и кончая нашими старшими современниками. Подробный обзор литературы читатель найдёт, например, при известной статье

И.В. Немировского [Немировский 1994]. В качестве парадокса отметим мнение Владимира Набокова, который коснулся этой темы в своём комментарии к так называемой «X главе» романа «Евгений Онегин». Объясняя выражение «*искры пламени иного*» из строфы XII, Набоков, с нечастой для него прямолинейностью, утверждает:

«В стихотворении «Арион» /.../, в названии которого стоит имя прекрасного греческого менестреля, спасенного из воды благодарным дельфином, Пушкин описал чёлн с гребцами (олицетворяющими декабристов) и поющего им поэта (самого себя). Чёлн разбивает буря, и все гибнут, кроме певца, который в последних строках – классическая метафора – сушит свои одежды на скале и поёт прежние гимны» [Набоков 1998, 660].

Свой комментарий В.В. Набоков посвящает особенностям версии декабризма у Пушкина, а не «Ариону» как образцу пушкинской лирики. Поэтому, может быть, не следует преувеличивать значение попутной реплики. Но всё-таки, прямое и полное отождествление гребцов с декабристами и лирического героя с автором стихотворения не кажется достаточно убедительным. С этой точки зрения особенно неблагоприятной представляется упоминаемая Набоковым строка «*И гимны прежние пою*». В таком контексте она довольно близко подводит к утверждению, будто Пушкин 1827 года остаётся всё тем же инфантильным свободолобцем, каким был тогда, когда среди его старших друзей пылали «искры пламени иного». Думается, полагать Пушкина поэтом-декабристом ко второй половине 20-х годов нет оснований. Тем более удивительной выглядит едва ли не советская версия «Ариона» под пером Набокова. Прямолинейность и однозначность комментатора не согласуются здесь и с известными фактическими данными, данными совершенно другого ряда.

Насколько нам известно, к изучению «Ариона» не привлекалось лицейское стихотворение Пушкина – послание «Н.Г. Ломоносову», написанное в 1814 году и в следующем, 1815-ом, опубликованное в журнале «Русский музеум». Вот фрагмент этого послания, с помощью которого можно, кажется, кое-что объяснить в положении лирического героя стихотворения 1827 года:

И ты, любезный друг, оставил
Надежду пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса
Ладья крылатая пустилась

Расправя *счастья* паруса.
Дай Бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай Бог под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно... [Пушкин 1937а, 76].

Приведенные четырнадцать строк близки к «Ариону» и по смыслу, и даже лексически. Море, чёлн, парус («ладья крылатая»), предвестье грозной непогоды. И – участь человека, смело, вопреки опасности, пустившегося по волнам. Всё это тревожит воображение Пушкина-лицеиста за десятилетие до декабрьского восстания. Особенно в этом контексте впечатляет сопоставление двух строк:

Судьба на руль уже склонилась /.../

и

На руль склоняюсь, наш кормщик умный /.../

Пятнадцатилетний Пушкин, конечно, не персонифицирует судьбу; тем более, не связывает ее с вольнолюбивыми офицерами, которым в 1814 году ещё не грезятся ни тайные общества, ни мятежное каре на Сенатской площади. Здесь, повторяем, явления совсем другого общественного и художественного наполнения. Но как раз смысловая близость двух стихотворений, разделённых десятилетием, заставляет внимательно присмотреться к лицейскому посланию.

Адресату стихотворения «И ты, любезный друг, оставил» посвятил довольно подробное сообщение Л.А. Черейский. Это расширенный вариант статьи, не вошедшей в оба издания его известной книги «Пушкин и его окружение». Статья помещена во «Временнике пушкинской комиссии». Вот что мы узнаём о человеке, к которому юный Пушкин обратился со своим стихотворением. Николай Григорьевич Ломоносов (1798 – 1853) – родной брат Сергея Ломоносова, лицейского сокурсника Пушкина. Вместе с маменькой, Каролиной Семёновной, Николай Григорьевич в 1814 году (дважды?) посетил лицей, с чем, по-видимому, и связаны как начало знакомства его с поэтом, так и стихотворение о судьбе, склонившейся на руль челнока. Известно о Н.Г. Ломоносове мало: служил в двух пехотных полках и уже в 1819 году был уволен в отставку по болезни. Доживал в своих поместьях. Для нас важно только то, что он никогда не служил во флоте и судьба его никак не была связана с морем. Л.А. Черейский совершенно прав, когда утверждает, что «образы в пушкинском стихотворении лишены конкретных значений и воспринимаются как метафоры, изображающие житейское море» [Черейский 1986, 190].

Комментарий (под общей редакцией В.Э. Вацура) к тому лицейскому стихотворению Пушкина сообщает, что «повод к написанию послания неизвестен» [Вацура 1996, 537]; там же выявлены очевидные подражания юного Пушкина известным поэтам – В.А. Жуковскому, Ф. Шиллеру, Э. Парни и другим авторам. По-видимому, сходные наблюдения можно было бы отнести и к «Ариону», хотя, конечно, нетрудно заметить явную удалённость ученических упражнений лицеиста от зрелого мастерства первого поэта России. Если всё же в «ветре шумном» можно различить какие-то отдалённые отзвуки 14 декабря, то, разумеется, далеко не в первую очередь и не в определяющем смысле. Справедливости ради укажем только на мнение Л.С. Гинзбурга об «Арионе», который, весьма возможно, никакого отношения к декабристам не имеет, и, создавая его, Пушкин думал только о поэте [Немировский 1994, 170]. Предположение Л.С. Гинзбурга заслуживает тем большего внимания, что стихотворение благополучно проходило цензуру ещё при жизни Пушкина. Оно было напечатано в № 43 «Литературной газеты» [Пушкин 1948а, 1144]. Как цензоры, так и многочисленные читатели, кажется, не усмотрели здесь намёка автора на верность идеям победившего восстания, не увидели в образе погибшего «кормщика умного» ни Пестеля, ни Рылеева. Да и сами оставшиеся в живых мятежники что-то не находили в стихотворении мотивов своей, к тому времени уже общеизвестной истории.

С другой стороны, ревнители древнегреческой поэзии и мифологии без труда обнаруживали здесь коренные отличия, удаляющие произведение от древнегреческой традиции. Сюжетные связи, характер лирического героя, весь пафос пьесы находятся на очевидном смысловом и формальном расстоянии от классических оригиналов. Это выходит за пределы нашей темы. Поэтому об отличиях «Ариона» от показаний древних исторических источников мы судить не будем. Противоречия в сложении окончательного текста общеизвестны и останутся вне рамок работы.

Начать придётся несколько издалека.

За два с половиной года до того, как первый вариант «Ариона» был положен автором на бумагу, ссыльный и поднадзорный Пушкин живёт в сельце Михайловском. В новый, 1825 год, его друг, Иван Пущин, навещает невольника. Подробности этого ставшего уже легендой визита рассказаны в известных записках И.И. Пущина. В них есть и такой многозначительный эпизод. В разгар послеобеденного чтения рукописной комедии «Горе от ума» к крыльцу подъехал настоятель местного Святогорского монастыря. «Пушкин, – вспоминает Пущин, – взглянул в окно,

как будто смутился и торопливо раскрыл лежащую на столе Четью-Минею» [Пушин 1974, 109]. Нас занимает здесь не основной отмеченный Пушиным мотив – как благонамеренной книгой маскировалось чтение неподцензурной рукописи, – а простой факт: Четьи-Минеи находились на столе у Пушкина в самой обычной, будничной обстановке, вне связи с приходом того или иного гостя. Доказательство знакомства Пушкина с Четью-Минейями можно было бы не продолжать: каждый просвещенный дворянский недоросль с детства знал и помнил Жития Святых, расположенные по числам годового хронологического круга. Всё же напомним, что Четьи-Минеи (в трёх томах?) потом стояли на полках личной библиотеки Пушкина в доме на Мойке [Модзалевский 1988, 39].

«Арион» писан в Петербурге, куда Пушкин возвратился после долгих лет ссылки. Мы не знаем точно, какая именно литература изо дня в день сопровождала его в годы странствий. Но предположение, будто в столичной гостинице Демута, в междугородних экипажах и гостевых комнатах у друзей его сопровождают Четьи-Минеи, не кажется чересчур смелым. Жития Святых не только вообще в кругу самого распространенного чтения современников Пушкина, но и постоянный источник его собственных чувствований и размышлений. Священная История и житийная литература служат тем, что можно было бы назвать обычным культурным фоном трудов и досугов поэта. Одна из близких его приятельниц так передала его диалог с другом, П.А. Плетневым. <Плетнев сказал>: «Ты всё повторяешь: грустно, тоска, ничего не пишешь, не читаешь. – Любезный друг, – отвечал он, – вот уж год, что я, кроме евангелия, ничего не читаю» [Смирнова-Россет 1989, 343].

2.

Под 6 июня (ст. ст.) православная церковь отмечает память Преподобного Виссариона Чудотворца. Святой жил в V в. н. э. в Египте. Его земному пути и чудесам, явленным по его молитвам, посвящено подробное и красочное описание. Вместе с тем, житие Виссариона составлено далеко не только из оригинальных эпизодов, оно включает в себя ряд мотивов и формул, общих для многих произведений житийной литературы – вроде ухода из родительского дома, раздачи имения нищим и монастырям, самоуничтожения, сурового поста и т.д. Интерес Пушкина к житию Виссариона – и в этом основная гипотеза нашей работы – направлен на несколько оригинальных пассажей текста, ведущих к стихотворению «Арион».

Праведная жизнь чудотворца прошла на средиземноморском побережье Африки. По этой причине в его житии постоянно чередуются эпизоды священнодействия то в водной стихии, то на суше, в пустыне. Житийных примеров на эту тему – множество. Выберем только один, наиболее, на наш взгляд, показательный.

Преподобный Виссарион вместе с учеником своим, Дулою, шёл в знойный день по берегу моря. Ученик захотел пить. Тогда учитель сотворил молитву над солёной морской водой и сказал: «Во имя Господа почерпни и пей». Вода оказалась пресной, приятной для питья. Тогда Дула стал наливать воду в сосуд – на случай, если в пути опять подступит жажда. «Оставь, – сказал ему старец, – и здесь Бог и везде Бог». Когда путники свернули от моря в пустыню, ученик опять попросил пить. Виссарион взял милоть Дулы, отошел на вержение камня и в милоти спутника принёс ему воды [Житие...].

Совершая эти два равнозначных чуда, Виссарион как бы наглядно утверждает высказанную максиму: «И здесь Бог, и везде Бог». Благодаря этому возникает образ, восходящий к первым строкам Ветхого Завета: «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт., 1, 1, 2). Подразумевается, что власть Бога одинаково распространяется на все сотворённые Им стихии. Поэтому-то Виссарион, следующий путями Господними, может сотворить пресную воду и на земной тверди, и на море. Собственно, в пределах представлений преподобного, земля и море объединены, прежде всего, тем, что одинаково следуют креативной воле Вседержителя. С этой точки зрения нет разницы в положении лирического героя стихотворения «Арион»: и в волнах, и на берегу таинственный певец одинаково послушен «велению Божию» [Пушкин 1948а, 424]. Казалось бы, понимание очевидного единства всех сторон, всех образов христианского космоса недалеко продвигает нас в истолковании конкретного пушкинского стихотворения. Так оно и было бы, если бы не заведомо известные Пушкину подробности жития Святого. Они-то и дают возможность обсуждать хрестоматийные стихи в ином, именно житийном контексте.

«По словам учеников, – сказано в описании его священнодействий, – жизнь преп. Виссариона была подобна жизни какой-нибудь воздушной птицы, или рыбы, или земных животных; ибо он всё время жизни своей провёл без смущения. Ибо не озабочивало его попечение о доме, не овладевало, кажется, его душою ни желание иметь поле, ни жажда удовольствий, ни приобретение жилищ, ни переноска книг <...> . Он, подобно пленнику, терпел то здесь, то там, – терпел холод и наготу, опаляем был жаром солнца, всегда находясь на открытом воздухе. Он, как

беглец, укрывался на скалах пустынных и часто любил носиться по обширной и необъятной песчаной стране как бы по морю. Если случалось ему приходиться на места тихие, где монахи ведут жизнь однообразную, по уставу киновий, он садился у ворот, плакал и рыдал, как бы пловец после кораблекрушения, выброшенный на берег» [Юродство ...].

Сравнение жизненного пути человека с плаванием в житейском море — очевидный трюизм, общее место. Нет необходимости это доказывать. Сам Пушкин отдаёт дань этому сопоставлению в послании лицеистам «19 октября», написанном в том же году, что и «Арион», — 1827-ом. Это обращение к Богу: да поможет Он друзьям на всех поприщах, в том числе и «в пустынном море» [Пушкин 1948а, 80]. Здесь речь идёт, конечно, не столько о буквальной водной стихии, сколько об образной, обобщённой картине жизненного пути. Нам ещё предстоит вернуться к этому небуквальному пониманию «моря» в стихотворении «Арион». Здесь же отметим прямое, лексически почти одинаково выраженное сходство положений преподобного Виссариона и лирического героя пушкинского стихотворения. Покинув — на время или навсегда? — свои обычные жизненные пути, они чувствуют себя *как пловцы после кораблекрушения, выброшенные на берег*.

Это самочувствие совершенно естественно и понятно для христианского подвижника, пустынника, коротающего свой век вдаль от людей — в тяготах, опасностях и прямых обращениях к Небу. Разумеется, уставная жизнь обители — не по нём. Плача и рыдая, отказывается он взойти под мирный кров монастыря, разделить общую судьбу тамошних богомольцев. Преподобный Виссарион по самосознанию своему скорее близок к пророку, который влачится в пустыне и томим духовной жаждой. Преподобный служит Богу как юродивый, а не как монах, регулярно ограниченный монастырским уставом.

Пушкин, безусловно, осознавал свою юродивость. Маску священного безумия он надевал на себя тогда, когда жизнь ставила его в тупик, когда счастье, возможное только на обыкновенных путях жизни, трагически от него отворачивалось. Он и сам толковал о своём юродстве — то через резонёра Николку в «Борисе Годунове», то в беседе с болдинской соседкой, объясняя ей свои светские промахи [Разговоры Пушкина 1929, 154].

Но как только мы осознаем образные соответствия стихотворения «Арион» в другой, чисто духовной системе координат, так смыслы произведения сразу же наполняются множеством новых нюансов. Например, строка «Погиб и кормщик и пловец» ещё больше удаляется от общепонятных жизненных прототипов. «Пловец» перестаёт соотноситься

с водной стихией и обретает значение человека, идущего своим трудным жизненным путём. То же самое и «кормщик». Он, кормщик, которого можно было бы назвать и кормчим, здесь лишь образно сопоставлен с судоводителем. В основе тут обобщённое значение, связанное со старинным смыслом глагола «окормлять». Напомним названия древних сборников апостольских, соборных и епископских правил, а также собраний законов светской власти – «Кормчие книги» (византийские номоканоны). Церковная традиция вовсе не предусматривала здесь буквального понимания судна, плывущего по морю.

Вот текст, имевший хождение в русской религиозной среде XIX века: «Когда погасает светильник, утопает кормчий, уводится в плен военачальник, то кругом водворяются тьма, отчаяние и ужас. То же самое и в духовной жизни. Духовно ослеплённый человек перестаёт отличать добро от зла, ложь принимает за истину, грех за добродетель и носится по житейскому морю, как захваченный бурей корабль, который потерял из виду маяк и на котором уже утонул кормчий [Юродство...]. Собственно, «кормчий» представляет здесь от религиозно ориентированного разума; «музыкант и кормчий, хорошо держа вожжи, заставляют коней идти в порядке – мерно ударяя по струнам, чувствам, управляет рулём, отражает и стремление волн, и порывы ветров» [История боголюбцев].

Но вернёмся к житию Преподобного Виссариона. Мы покинули его перед воротами обители, куда он не решался войти, ведомый своей логикой, непонятной монашествующей братии. Молитва, пост и соблюдение уставов казались ей необходимым и достаточным оправданием её земного бытия. Виссарион, несомненно, знал и чувствовал свою особость, отторжение от среды монастырских затворников. Божьи дары пророчества и чудотворения, по-видимому, не находили себе применения там, где молитвенные обращения к Богу были подчинены строгому регламенту и обычаю, где весь быт был расписан по годовому календарю и по часам суточного цикла.

Обратимся ещё раз к житийному диалогу Виссариона с монашествующим перед воротами обители: «Иногда кто-нибудь из братьев находил его сидящим тут подобно нищему, скитающемуся по миру, и, приближаясь к нему, с сожалением говорил ему: что ты плачешь? Если нуждаешься в необходимом, то дадим тебе, сколько можем, только войди к нам, раздели с нами трапезу, подкрепишься! Авва Виссарион отвечал: не могу оставаться под кровлею, пока не найду имущества своего. Я, говорил он, различным образом лишился великого имущества. Я и попался морским разбойникам, и потерпел кораблекрушение, и лишился

славы своего рода, из знатных сделался незнатным. Если же брат, прослезившийся при его словах, уходил и приносил ему кусок хлеба и, подавая, говорил: прими это, отец, а прочее возвратит тебе Бог, по словам твоим, — отечество, славу рода и богатство, о которых ты сказываешь. Старец ещё более плакал и громко рыдал, приговаривая: не умею сказать, могу ли я найти, что, потеряв, ищу» [Юродство ...].

В приводимом отрывке отчасти повторены уже знакомые нам мотивы — отказа от монастырского хлеба, невозможности переступить порог обители, наконец, кораблекрушения. Однако, эти мотивы играют здесь новыми красками. Бесприютное странничество Виссариона должно было найти прямой и живой отклик в душе Пушкина. Идёт 1827 год — разгар скитаний Пушкина по градам и весям отечества. И он тоже, как древний страстотерпец, не знает, где нынче преклонит голову. И он тоже, как Виссарион, происходит из Африки, чьи пустыни, несомненно, и есть достойное место служения человека, наделённого пророческим даром¹.

Африканские декорации священнодействий Виссариона заслуживают в связи с Пушкиным отдельного рассмотрения. Но это — иная тема. Её черты тем не менее проглядывают не только в «Пророке», но и во многих других произведениях поэта. Так, в послании «Козлову» с этой точки зрения могут быть рассмотрены знаменитые строки: «Недаром тёмною стезёй / Я проходил пустыню мира» [Пушкин 1947, 391]. Строго формально здесь речь идёт, конечно, обо всём земном, посюстороннем мире. Однако здесь так же, как в «Пророке», в образном смысле действие может происходить не только вообще в «изгнании земном», но и более определённо — «под небом Африки моей» [Пушкин 1937b, 26]. По меньшей мере, речь идёт о ещё одной стороне общности русского поэта и египетского чудотворца.

Вместе с тем, картина, нарисованная в житии, сама по себе заслуживает пристального внимания. Вот юродивый Виссарион сидит у порога обители и не хочет в неё войти, не желает вкусить от монастырских хлебов. Чем он мотивирует свой отказ? Оказывается, он не может обитать вместе с людьми потому, что несчастливо сложились обстоятельства. Он, попав в своё время в руки морских разбойников, не только потерял великое имущество, но и лишился славы своего рода; из знатного сделался незнатным. Утешающие его монахи возлагали надежду на Бога: дескать, Он вернёт Виссариону отечество, славу рода и богатство.

¹ Не исключаем, что в самом имени лирического героя своего стихотворения Пушкин находил переключку с именем древнего святого: ВИССАРИОН.

Но преподобный только пуще рыдал: братия монастырская не понимала его.

Жалобы Виссариона, действительно, трудно понять. В них совершенно отсутствует обыкновенная житейская логика. Ни попадание в руки к морским разбойникам, ни утрата имущества и имени, ни кораблекрушение не служили препятствием для жизни праведника в мирной обители. Этого не довольно. До беседы с монастырской братией житие нигде не сообщает о горестных событиях, настигших праведника. Напротив. Своё имение он сам, по своей воле, после смерти родителей раздал нищим и монастырям. Значит, он не мог быть ограблен морскими разбойниками (будь иначе, он обладал бы чертой, роднившей его с древним Арионом). Мы помним историю с античными разбойниками и кораблём, утонувшим в бурю.

Если ориентироваться только на житийный текст, то придётся признать, что бедствия, декларируемые Виссарионом, находятся в сложных отношениях с действительностью. Иначе никак не объяснить отмеченные противоречия между его жизненным путём, рассказанным в третьем лице, и его собственным, от первого лица, автобиографическим пассажем. Единственное правдоподобное объяснение будет состоять в том, что несчастья, на которые ссылается праведник, суть *иносказания*, притчи. Известно, что в молодости, став иноком, он обрелася в общежитийном скиту недалеко от Александрии. Дальнейшие события, последующие повороты судьбы заставили его покинуть скит; он обрёл дар юродства и избрал местом своего служения африканскую пустыню.

Какие именно происшествия — действительные или воображаемые — определили его отказ от существования «под кровлей», повели к странствиям, в которых он терпел многочисленные беды и лишения? Этого мы не знаем и не будем об этом гадать, тем более что не африканский праведник находится в центре нашего внимания.

Для нас важны не сами по себе характер и обстоятельства жизни чудотворца Виссариона, но в первую очередь попытка найти тот смысловой ряд, который мог бы привлечь внимание автора стихотворения «Арион». Многие буквальные соответствия тут ничего не проясняют. Тщетно было бы искать нечто несомненно общее между древним угодником и человеком нового времени — Пушкиным. Но сходства проявляются, если предметом сопоставления будут не отдельные личные черты характеров, а история семей, родовая история поколений.

3.

Летом 1827 года мы застаём Пушкина на очередном историческом и мировоззренческом перепутье. В близком прошлом остались углублённые размышления в русле декабристского свободолюбия, французской революции и западного либерализма. Автор «Бориса Годунова» не то чтобы разочаровался в правах и свободах на европейский лад, но убедился в трудности, а то и невозможности близкого укоренения этих ценностей на русской почве. Поэт всё больше отдаёт должное Николаю Михайловичу Карамзину, с его идеалом просвещенной монархии, опирающейся на родовую аристократию, на «лучших сынов отечества», верно служащих державе. В параллель к допетровским пристрастиям Карамзина, Пушкин определяет роль дворянина-помещика как призвание доброго главы крестьянской общины. Его ответственность за судьбы мужиков тем весомее, чем больше их в его владении. Подобные суждения встречаются у Пушкина нередко; в полный голос об этом говорит резонёр Владимир, герой пушкинского «Романа в письмах» [Пушкин 1948b, 52-53]. К тем же соображениям близок и другой любимый герой автора — Алексей Берестов из повести «Барышня-крестьянка» [Пушкин 1948b, 123].

Потерянный рай, в котором давно уже не обретаются потомки многих привилегированных допетровских вотчинников, сейчас, столетие спустя, тревожит воображение поэта. В отличие от неких иносказательных утрат преподобного Виссариона, утраты Пушкина носят общественный, точнее, исторический и сословный характер. Не с Александра Сергеевича началось падение некогда влиятельного и богатого рода Пушкиных. Не с него семья отделилась от власти и потеряла общепризнанное когда-то аристократическое достоинство. «Смотри, пожалуй, вздор какой» [Пушкин 1948a, 260] — откликнулся Пушкин на прозвище аристократа. И слышится в том отклике не только ирония, но и вполне понятная горечь.

Над страницами жития Виссариона поэт остро чувствовал, может быть, не столько родство исторически заданных характеров — своего и главного героя, сколько ситуативное совпадения обстоятельств. В самом деле: ему, Пушкину, не приходилось раздавать своего имущества (хотя нищим и подавал щедро), не случалось поддерживать аскетический образ жизни и творить чудеса в пустыне и на море. Однако всё это было доступно его воображению. Поэтому он без сомнений мог оценить *сходство положений*, в которых находились оба — и он сам, и древний праведник.

Преподобный Виссарион оплакивал своё очевидное отторжение от среды людей, в том числе и людей собственного, духовного сословия. Он понимал, что его призвание несовместимо с обыкновенными путями жизни. Поэтому и «плакался горько», когда монашествующий брат невольно высказывал ему своё пожелание: да возвратит тебе Господь всё — отечество, славу рода, богатство. Добрый чернец не чувствовал Виссарионовых иносказаний, принимал их прямо и буквально. Но Пушкин-то как раз во всей полноте понимал притчевый смысл рыданий праведника.

Позволим себе короткое отступление.

Вопрос о соотношении личных и надличностных интересов на сцене отечественной истории во всей ясности и полноте по существу не ставился в нашей науке до рубежа XIX — XX вв. Одним из первых историографов, кто сумел этот вопрос ясно сформулировать, был П.Н. Милюков, автор работы «Верховники и шляхетство». В русле «странного сближения» труд Милюкова был посвящен как раз борьбе родовой аристократии и служилого дворянства вокруг реформаторского наследия Петра I. В 1730 году в связи с воцарением императрицы Анны Иоанновны решалось, каким путём пойдёт Россия. Какая часть правящего сословия — чиновно-дворянское большинство или аристократическое меньшинство — определит судьбу империи? В проекте государственного устройства, выдвинутом князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, содержались внятные Милюкову намёки на грядущую конституцию. Но нас интересует здесь исключительно моральная сторона проблемы. «Можно утверждать, — писал Милюков, — что проект Голицына не только не имел своекорыстно-личного характера, но не имел даже <характера> своекорыстно-сословного» [Милюков 1905, 22]. Сколь бы ни произвольно была выстроена воображаемая нравственная линия «Виссарион — Голицын — лирический герой стихотворения Пушкина», она, наш взгляд, выявляет важнейшую сторону характеров героев. Мы не последуем за историками и политологами, изучающими становление русской конституции и не станем утверждать, будто Пушкин испытывал какую-то особую приязнь к противникам императрицы Анны Иоанновны. Но старого аристократа Голицына и Пушкина сближают здесь общее бескорыстие, общая — в понимании каждого из них — забота о благе отечества.

Автор стихотворения «Арион» с болью переживал не личные потери, но унижение рода, семьи. Он отчётливо видел, как старые, традиционные ценности общины, вотчины на протяжении последнего столетия сметаются петровской «Табелью о рангах», как чиновничество — рацио-

нальное и бездушное — оттесняет с ключевых мест в государстве доброго барина, не похожего в глазах народа на чужого, иностранца. Тут мы вступаем в область социально-исторических представлений Пушкина. Они довольно неопределённые, весьма подвижны, с трудом и сомнением могут быть осознаны как постоянные величины. В этой области иногда, кажется, невозможно выявить окончательное мнение Пушкина, высказанное однажды и навсегда.

Хороший пример такой неопределённости — соображения Пушкина о местничестве. Несомненно, поэт видел архаическую ветхость системы государственных назначений на основе династического родословия, когда, допустим, великокняжеские отпрыски (Рюриковичи, Гедиминовичи и пр.) получали преимущественное право на высшие державные должности. Уже в трагедии «Борис Годунов» царь обещает Басманову скорую отмену местничества, вопреки ропоту «знатной черни». В той же трагедии Басманов прямо утверждает, что юный государь Федор Борисович для него, Басманова, «презрел и чин разрядный, / И гнев бояр» [Пушкин 1948d, 92]. Некоторый налёт иронии ощущается и в рассказе о судьбе героя неоконченной поэмы, Варлаама Езерского, который «умер, Сицких пересев» [Пушкин 1948с, 98]. Казалось бы, всё ясно: Пушкин не одобряет местничества, относится к нему отрицательно? Нет. Всё не так однозначно. В <«Опровержениях на критики»> поэт упоминает одного из своих предков, который подписался под Соборным деянием об уничтожении местничества, «что мало делает ему чести» [Пушкин 1949, 161]. Согласимся: это усложняет пушкинские представления о предмете. «Таинственный певец» понимает не только вздорность аристократической спеси, но и то обстоятельство, что в формах местничества существовали тогдашние понятия о чести, «ныне» в большой степени утраченные.

Позволим себе и другой, похожий пример. За пять лет до «Ариона» Пушкин написал «Заметки по русской истории XVIII века», в которых, в частности, нападал на законодательство Петра III и Екатерины II, определяющее права и свободы русского дворянства. По тогдашнему мнению Пушкина, указы *о вольности дворян* суть «указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться» [Пушкин 1949, 15]. Лишь много лет спустя, когда Пушкин в полной мере на себе испытал нарушение своих дворянских прав, он существенно иначе оценил и царствование, и законодательство Екатерины Великой.

Подобных примеров множество. Не будем их продолжать. Они убеждают в том, что автор «Ариона» в историко-социологической обла-

сти не обладал твёрдой шкалой ценностей, не придерживался раз и навсегда установленных взглядов. Поэтому лишь с большой осторожностью попробуем мы наметить смысловые пределы основных формул стихотворения. Что может означать вступительное утверждение «Нас было много на челне»? Какой «ветер шумный» налетает на лоно волн? Что за «гимны прежние» поёт спасшийся певец?

Напомним: наша цель не полемическая. Мы не собираемся прилагать максимальные усилия для того, чтобы доказать, будто пловцы не декабристы, а некое другое множество, не состоявшее в тайных обществах. Сомнения сомнениями, а декабристская версия «Ариона» пришлась весьма впору XX веку, с его войнами, революциями, всеобщей нетерпимостью. Думается, однако, что обобщённый пушкинский «пловец» держал курс не к этим берегам. К 1827 году в сознании Пушкина традиционные ценности должны были сильно потеснить прежние либеральные устремления, характеризующиеся как «забавы взрослых шалунов» [Пушкин 1937b, 526].

«Мы», которых было *много* на челне, вовсе не кажутся той сотней прапорщиков, что пытались переменить исторический быт отечества. Скорее здесь речь идёт о людях карамзинского идеала, носителях здорового религиозного и национального взгляда на настоящее и будущее России. Во всяком случае, это люди *сословия*, а не люди *заговора*. Если воспользоваться образом стихотворения, то их отправили на дно «ветер шумный» Петровских реформ и многие преобразования времён императриц. О том, как именно это произошло, Пушкин знает и судит по «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина². Недаром уже осенью 1827 года (почти одновременно с работой над «Арионом») Пушкин в беседе с Алексеем Вульфом делится своими творческими планами: написать историю России от Петра Великого до Николая I. По нашему мнению, как раз «Арион» и может рассматриваться как поэтическая параллель к *этой* истории. Но тут ему не суждено было в связном рассказе продвинуться за пределы крестьянской войны под водительством Пугачева.

Здесь следует оговориться. Соотнося идейное наследие «Ариона» с устремлениями Пушкина-историографа, мы не поддерживаем прямых параллелей и персонификаций. Конечно, не следует в «ветре шумном»

² Нас здесь не занимает старая полемика о том, когда именно Пушкин прочёл «Записку о древней и новой России». Сошлёмся на мнение М.А. Цявловского о том, что секретный текст карамзинской «Записки» мог быть известен Пушкину не позднее 1826 года. См.: [Цявловский 1936, 713-715]. Аргументы Цявловского представляются нам вполне убедительными.

видеть исключительно грозу Петровских реформ, а в спасении «таинственного певца» искать одни только биографические подробности, связанные с московской коронацией Николая I. Всё здесь гораздо более обобщено, больше строится как образная ткань, чем как стихотворный репортаж о событиях. Пушкин, думается, зовёт здесь «заметить разность», а не только сходство, между собою и лирическим героем стихотворения.

Та же особенность может быть выявлена и там, где речь идёт о «гимнах прежних». Если понимать эти гимны в буквальном, биографическом смысле, то придётся подозревать Пушкина в перепевах оды «Вольность» или озорных нозлей вроде «Сказки» («Ура! В Россию скачет / Кочующий деспот») [Пушкин 1949, 69]. Вряд ли это можно серьёзно обсуждать в условиях 1827 года. Скорее тут речь идёт обо всём широко понимаемом творчестве поэта, которое мало зависит (или даже не зависит вовсе) от сиюминутных державных или общественных притязаний. Оно, творчество это, может выстраиваться и в согласии, и в полемике с конъюнктурой. Преемственность («гимны прежние») как раз в том, что певец сегодня, как и вчера, поёт то, что хочет («и для тебя условий нет»). Он может с одинаковым правом и успехом перелагать в своих «гимнах» хоть древнегреческого менестреля, хоть египетского христианского подвижника, хоть даже и самого себя.

Зримые образы в «Арионе» столь же условны; они не влекут за собой никаких напоминаний о конкретных событиях, прямо соизмеримых с судьбой человека. Мы помним о фиктивности образа «моря» в лицейском послании к Н.Г. Ломоносову. Теперь этот надличностный подход к природной силе продолжается. «Арион» ставится в ряд других стихотворений, в которых сама по себе водная стихия условна, может служить образным эквивалентом любых жизненных проявлений. Достаточно будет совершенно произвольно сравнить стихотворение «К морю» (1824) и послание к Вяземскому (1825). В первом случае это свободная стихия, блещущая «гордою красой» [Пушкин 1947, 331], а во втором – «древний душегубец» [Пушкин 1948а, 21]. По существу же здесь вся гамма противоречивых проявлений, восходящая к поучениям о земле и море в устах Преподобного Виссариона: «И здесь Бог и везде Бог».

Может быть, только однажды образная ситуация, близкая к поэтической ткани «Ариона», возникает потом под пером Пушкина. Знаменитой болдинской осенью 1830 года он пишет стихотворение «Когда порой воспоминанье...». В финале его трудно читаемого автографа упомянут некий «печальный остров – берег дикой», куда непогода

Заносит утлый мой челнок [Пушкин 1948а, 243-244].

Но и здесь, кажется, мы не наблюдаем никакого смыслового приближения к грозе, погубившей пловцов «Ариона». Контекст стихотворения существенно иной. Поэт «привычною мечтою» обращается к российскому Северу (Соловки?) и видит в этом обращении альтернативу своим прежним мечтам – об Италии, о светлом крае, где небо блещет [Листов 2000, 138 – 153]. Пушкин, по мнению П.И. Чаадаева, на рубеже тридцатых годов становится национальным поэтом. Изменяется мир его устремлений. Звонкая средиземноморская скала, под которой певец сушил влажную ризу, сменяется увядшей тундрой русского Севера, а лавр и кипарис уступают зимней бруснике.

Так или иначе, но всемирная отзывчивость Пушкина преодолевала все мысленные границы. И всепоглощающая верность свободолюбивым идеалам ранней молодости постепенно отступала во второй «ряд» сознания, сменялась более глубокими и более плодотворными ощущениями и чувствами...

Источники

Житие... – *Житие преподобного отца нашего Виссариона*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/489 (дата обращения 6.07.2019).

История боголюбцев – *История боголюбцев*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/istorija-bogoljubcev (дата обращения 6.07.2019).

Пушкин 1937а – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 1. М.; Л., 1937.

Пушкин 1937б – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 6. М.; Л., 1937.

Пушкин 1947 – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 2. М.; Л., 1947.

Пушкин 1948а – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 3. М.; Л., 1948.

Пушкин 1948б – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 8. М.; Л., 1948.

Пушкин 1948с – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 5. М.; Л., 1948.

Пушкин 1948д – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 7. М.; Л., 1948.

Пушкин 1949 – Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*, 1837—1937: В 17 т. Т. 11. М.; Л., 1949.

Пушкин 1974 – Пушкин И.И. *Записки о Пушкине*: В 2-х тт. Т. 1. М., 1974.

Разговоры Пушкина 1929 – *Разговоры Пушкина*. Собрал С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929.

Смирнова-Россет 1989 – Смирнова-Россет А.О. *Дневник. Воспоминания*. М., 1989.

Юродство... – *Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной русской церкви: исторический очерк и жития сих подвижников благочестия*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-o-hriste-i-hrista-radi-yurodivye-vostochnoj-russkoj-tserkvi-istoricheskij-ocherk-i-zhitija-sih-podvizhnikov-blagochestija/#0_9 (дата обращения 6.07.2019).

Литература

Вацура 1996 – Вацура В.Э. *Комментарий // Пушкин А.С. Стихотворения лицейских лет. 1813 – 1817*. СПб., 1996.

Листов 2000 – Листов В.С. *Новое о Пушкине. История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта*. М., 2000.

Модзалевский 1988 – Модзалевский Б.Л. *Библиотека А.С. Пушкина. Приложение к репринтному изданию*. М., 1988.

Набоков 1998 – Набоков В. *Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. Перевод с англ. СПб., 1998.

Немировский 1994 – Немировский И. В. *Декабрист или сервилист? (Биографический контекст стихотворения «Арион») // Легенды и мифы о Пушкине*. СПб., 1994. С. 168-184.

Черейский 1986 – Черейский Л.А. *Пушкин и Л.А. Ломоносов // Временник Пушкинской Комиссии. Вып. 20. Сб. научных трудов*. Л., 1986. С. 189-191.

Милюков 1905 – Милюков П. *Верховники и шляхетство*. Ростов-на-Дону, 1905.

Цявловский 1936 – Цявловский М.А. *Записки официального назначения // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 5. М–Л., 1936. С. 713-715*.

ON THE CONTENTS OF POEM "ARION" BY A.S. PUSHKIN (1827)

© **Listov Victor Semyonovich (2019)**, SPIN-code: 6433-3940, Doctor of Arts, professor, New Institute of Cultural studies (13/1 Vasilyevskaya, Moscow, 123056, Russian Federation), vslistov@mail.ru

The author attempts to trace the formation of the main motives of the poem "Arion" in the work of A.S. Pushkin. The author proposes a new approach to the interpretation of the poem as an alternative to the "Decembrist" interpretation or understanding based on the analysis of mythological elements of this text – an interpretation which has become deeply ingrained in school practice. The author focuses on the lyceum message of Pushkin to N.G. Lomonosov (1814), where the images that the poet would later turn to in "Arion" (sea, bark, sail, etc.) are used in a generalized, metaphorical sense. The article also provides an update of some plot features of Orthodox hagiographic literature. In particular, the study considers the fact that Pushkin was familiar with the life of the Monk Bessarion the Wonderworker (mem. June 6, O.S.), an Egyptian saint who became a martyr in the 5th century A.D. There are significant "correlations" between the life of St. Bessarion and the life of Pushkin, who also understood his own uniqueness, even foolishness, the inconsistency of his destiny with ordinary life. This understanding could become the source for the image of the navigator washed ashore after the shipwreck, which is present in the "Arion", and in the life of St. Bessarion. In addition, there is also similarity of the life positions of the saint and the poet: Pushkin also felt an irreplaceable loss, which in his case was not abstractly allegorical, but rather specific, related to the socio-political sphere. Adhering to the social and historical views of N.M. Karamzin in the second half of the 1820s, the poet supported the idea of an enlightened monarchy, based on the clan aristocracy. However, the real social processes contradicted this idea.

Perhaps, Arion reflects Pushkin's thoughts on the transformation of the former class system and the fate of its supporters. The author concludes that the existing interpretations of Arion are not exhaustive, and therefore it is necessary to look for new ways to understand this famous poem.

Keywords: A.S. Pushkin, Rev. Bessarion, N.M. Karamzin, foolishness, nobility, monasticism.

References

(Articles from Scientific Journals)

Черейский 1986 – CHereyskiy L.A. *Pushkin i L.A. Lomonosov* [Pushkin and L.A. Lomonosov]. *Vremennik Pushkinskoy Komisii*. Vyp. 20. *Sb. nauchnykh trudov*. Leningrad, 1986, pp. 189—191. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Вацуро 1996 – Vatsuro V.E. *Kommentariy* [Commentary]. Pushkin A.S. *Stikhotvoreniya litseyskikh let. 1813 – 1817* [Lyceum poems. 1813-1817]. St. Petersburg, 1996. (In Russian).

Немировский 1994 – Nemirovskiy I. V. *Dekabrist ili servilist? (Biograficheskiy kontekst stikhotvoreniya «Arion»)* [Decembrist or servist? (The biographical context of the poem "Arion")]. *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. St. Petersburg, 1994, pp. 168-184. (In Russian).

Цявловский 1936 – TSyavlovskiy M.A. *Zapiski ofitsial'nogo naznacheniya* [Official Notes]. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings] T.5. Moscow, Leningrad, 1936, pp. 713-715. (In Russian).
(Monographs)

Листов 2000 – Listov V.S. *Novoye o Pushkine. Istoriya, literatura, zodchestvo i drugiye iskusstva v tvorchestve poeta* [New about Pushkin. History, literature, architecture and other arts in the work of the poet]. Moscow, 2000. (In Russian).

Модзалевский 1988 – Modzalevskiy B.L. *Biblioteka A.S. Pushkina. Prilozheniye k reprintnomu izdaniyu* [Library A.S. Pushkin. Appendix to the reprint edition]. Moscow, 1988. (In Russian).

Набоков 1998 – Nabokov V. *Kommentariy k romanu A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»* [Commentary on the novel by A.S. Pushkin "Eugene Onegin"]. St. Petersburg, 1998. (In Russian).

Милюков 1905 – Milyukov P. *Verkhovniki i shlyakhetstvo* [The supreme and nobility]. Rostov-na-Donu, 1905. (In Russian).

Поступила в редакцию 6.07.2019